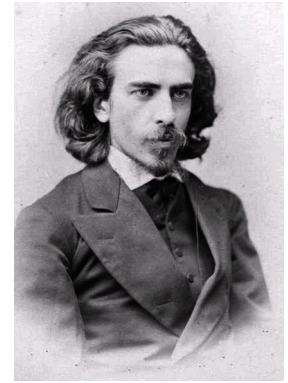

УДК 21(316.7)

Соловьёв Вл.С.

Русская идея*

Соловьёв Владимир Сергеевич (1853–1900), русский философ, богослов, поэт, публицист, литературный критик, стоявший у истоков русского «духовного возрождения» начала XX века.

В статье излагается и аргументируется позиция философа относительно предназначения России в общем контексте понятия нации и Русской идеи – в контексте концепции всеединства.

Ключевые слова: Россия, Творец, единство человечества, всемирная история, христианство, православие, национальная политика, государственное мировоззрение

Цель этих страниц не в том, чтобы сообщить какие-либо подробности о современном положении России, исходя из того предположения, что она является страной, не известной Западу, страной, о которой на Западе имеют ложные представления.

Не говоря уже о многочисленных переводах, которые сроднили Европу с образцовыми произведениями нашей литературы, мы видим теперь, в особенности во Франции, выдающихся писателей, поставивших себе целью ознакомление европейской публики с Россией и выполняющих это дело много лучше, чем это, быть может, удалось бы русскому. Приведу только два французских имени: Анатоль Леруа-Болье дал в своем превосходном исследовании «Империя царей» весьма правдивое, весьма полное и прекрасно составленное изложение нашего политического, общественного и религиозного положения, а виконт де-Вогюэ в целом ряде блестящих работ, посвященных русской литературе, отнесся к своему предмету не только как знаток его, но и как энтузиаст.

Благодаря этим писателям и еще многим другим просвещенная часть европейской публики должна быть достаточно ознакомлена с Россией во всем, что касается многообразных сторон ее реального существования. Но это знакомство с русскими делами оставляет всегда открытым вопрос другого порядка, весьма затемненный могущественными предрассудками, вопрос, который и в самой России в большинстве случаев получал лишь нелепые разрешения. Беспольный в глазах некоторых, слишком смелый по мнению других, этот вопрос в действительности является самым важным из всех для русского, да и вне России он не может показаться лишенным интереса для всякого серьезно мыслящего человека. Я имею в виду вопрос о *смысле существования России во всемирной истории*.

Когда видишь, как эта огромная империя с большим или меньшим блеском в течение двух веков выступала на мировой сцене, когда видишь, как она по многим второстепенным вопросам приняла европейскую цивилизацию, упорно отбрасывая ее по другим, более важным, сохраняя таким образом оригинальность, которая, хотя и является чисто отрицательной, но не лишена тем не менее своеобразного величия, – когда видишь этот великий исторический *факт*, то спрашиваешь себя: какова же та мысль, которую он скрывает за собою или открывает нам; каков *идеальный* принцип, одушевляющий это огромное тело, какое новое *слово* этот новый народ скажет человечеству; что желает он *сделать* в истории мира? Чтобы разрешить этот вопрос, мы не обратимся к общественному мнению сегодняшнего дня, что поставило бы нас в опасность быть разочарованными событиями следующего дня. Мы поищем ответа в вечных истинах религии. Ибо *идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности*.

I

Раз мы признаем существенное и реальное единство человеческого рода, – а признать его приходится, ибо это есть религиозная истина, оправданная рациональной философией и подтвержденная точной наукой, – раз мы признаем это субстанциональное единство, мы должны рассматривать человечество в его целом, как великое собирательное существо или социальный организм, живые члены которого представляют различные

* Статья воспроизводится в современной орфографии при сохранении орфографии и пунктуации автора по тексту: Соловьёв, В. С. Русская идея / В. С. Соловьёв; пер. с фр. Г.А.Рачинского // Вопросы философии и психологии. М., 1909. Год XX, кн. 100 (V). С. 323-356.

нации. С этой точки зрения очевидно, что ни один народ не может жить в себе, чрез себя и для себя, но жизнь каждого народа представляет лишь определенное участие в общей жизни человечества. Органическая функция, которая возложена на ту или другую нацию в этой вселенской жизни, – вот ее истинная национальная идея, предвечно установленная в плане Бога.

Но если человечество и действительно представляет некоторый большой организм, то не следует забывать, однако, что мы не имеем в данном случае дела с организмом чисто физическим, и следует помнить, что члены и элементы, из коих он состоит, – нации и индивиды – суть существа моральные. А коренное условие морального существа лежит в том, что особая функция, которую оно призвано выполнять во вселенской жизни, идея, которую определяется его существование в мысли Бога, никогда не выступает в качестве материальной необходимости, но только в форме морального обязательства. Мысль Бога, являющаяся безусловным роком для вещей, для существа морального только долг. Но хотя и очевидно, что долг может быть выполнен или не выполнен, может быть выполнен хорошо или дурно, может быть принят или отвергнут, невозможно с другой стороны, допустить, чтобы эта свобода могла изменить провиденциальный план или лишить моральный закон его действительности. Моральное воздействие Бога не может быть менее могущественным, чем его физическое воздействие. Поэтому следует признать, что в мире моральном есть также роковая необходимость, но роковая необходимость косвенная и обусловленная. Призвание или та особая идея, которую мысль Бога полагает для каждого морального существа – индивида или нации – и которая открывается сознанию этого существа, как его верховный долг, – эта идея действует во всех случаях как реальная мощь, она определяет во всех случаях бытие морального существа, но делает она это двумя противоположными способами: она проявляется, как закон жизни, когда долг выполнен, и как закон смерти, когда это не имело места. Моральное существо никогда не может освободиться от власти божественной идеи, являющейся смыслом его бытия, но от него самого зависит носить ее в сердце своем и в судьбах своих, как благословение или как проклятие.

Только что сказанное мною есть общее место или должно было бы быть таковым для всякого – я не скажу христианина – но хотя бы монотеиста. И действительно, против этих мыслей не находят никаких возражений, когда они предлагаются в общих формах; протест обычно бывает направлен против применения их к национальному вопросу. В этом последнем случае общее место внезапно превращается в мистическую мечту, и аксиома становится субъективной фантазией. «Кому была когда-либо открыта мысль Бога о какой-либо нации, кто может говорить народу о его долге? Проявлять свою мощь, преследовать свой национальный интерес, вот все, что надлежит делать народу, и долг патриота сводится к тому, чтобы поддерживать свою страну и служить ей в этой национальной политике, не навязывая ей своих субъективных идей. А для того, чтобы узнать истинные интересы нации и ее действительную историческую миссию, есть только одно верное средство, это – спросить у самого народа, что он об этом думает, призвать на совет общественное мнение?». Однако, есть нечто странное в этом, по-видимому, столь здравом суждении.

Это эмпирическое средство узнать истину решительно неприменимо там, где мнение нации дробится, что имеет место почти всегда. Какое из общественных мнений Франции есть истинное: мнение католиков или мнение франкмасонов? И раз я русский, какому из национальных мнений должен я пожертвовать моими субъективными идеями: мнению официальной и официозной России, *России настоящего*, или тому мнению, которое исповедуют несколько миллионов наших староверов, этих истинных представителей традиционной России, *России прошлого*, для которых наша церковь и наше государство в их настоящем виде суть царство Антихриста; а то, может быть, не обратиться ли нам еще и к нигилистам: ведь они, быть может, являют собой *будущее* России.

II

Мне незачем настаивать на этих трудностях, раз история дает в подтверждение моего положения доказательство прямое и общеизвестное. Если в философии истории вообще есть твердо установленные истины, то таковой следует считать то положение, что конечное призвание еврейского народа, истинный смысл его существования существенно связаны с мессианской идеей, т. е. с идеей христианской. Однако, не похоже на то, чтобы общественное мнение и национальное чувство евреев было особенно благорасположено к христианству. Я не хочу обращаться с избитыми упреками к этому единственному в своем роде и таинственному народу, который в конце концов ведь есть народ пророков и апостолов, народ Иисуса Христа и Пресвятой Девы. Этот народ еще жив, и, по словам Нового Завета, его ожидает полное возрождение и обновление:

«Весь Израиль спасется» (Рим., XI, 26). И я считаю нужным сказать, хотя и не могу доказать здесь правоты своего утверждения¹: – «ожесточение» евреев не есть единственная причина их враждебного положения по отношению к христианству. В России в особенности, где никогда не делали попытки приложить к евреям начала христианства, осмелимся ли мы потребовать от них, чтобы они были более христианами, чем мы сами? Я хотел только напомнить тот замечательный исторический факт, что народ, предназначенный даровать миру христианство, выполнил эту миссию лишь против воли своей, что в громадном большинстве своем и в течение восемнадцати веков он упорно отменяет божественную идею, которую он носил в лоне своем и которая была истинным смыслом его существования. Посему не может уже считаться дозволенным теперь говорить, что общественное мнение нации всегда право, и что народ никогда не может заблудиться в своем истинном призвании или отвергать его.

Но быть может этот приведенный мною исторический факт сам представляет лишь религиозный

¹ Я пытался сделать это в двух этюдах по еврейскому вопросу, из которых один был подвергнут разбору в «Revue française», сентябрь и октябрь 1886.

предрассудок, и роковая связь, предполагаемая между судьбами израильского народа и христианством – лишь субъективная фантазия? Я могу привести, однако, чрезвычайно простое доказательство, ярко освещающее реальный и объективный характер приведенного нами факта.

Если взять нашу христианскую Библию, собрание книг, начинающееся книгой Бытия и кончающееся Апокалипсисом, и разобрать ее помимо каких бы то ни было религиозных убеждений, как простой исторический и литературный памятник, то мы принуждены будем признать, что перед нами произведение законченное и гармоничное: создание неба и земли и падение человечества в лице первого Адама – в начале, восстановление человечества в лице второго Адама или Христа, – в центре, и в конце – апокалиптический апофеоз, создание неба нового и земли новой «в них же правда живет», откровение преображенного и прославленного мира, Нового Иерусалима, нисходящего с небес, скинии, где Бог с людьми обитает (Апок. XXI). Конец произведения связан здесь с началом, создание мира физического и история человечества объяснены и оправданы откровением мира духовного, представляющего совершенное единение человечества с Богом.

Дело завершено, круг замкнулся, и даже с чисто эстетической точки зрения ощущается удовлетворение. Посмотрим теперь, как заканчивается Библия евреев. Последняя книга этой Библии есть «Дибр-га-ямим», книга Паралипоменон, и вот заключение последней главы этой книги: «Так говорит Кир, царь Персидский: «Все царства земли дал мне Ягве, Бог небесный; и Он повелел мне построить ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас – из всего народа Его? Да будет Ягве, Бог его, с ним и пусть он туда идет!» Между этим заключением и заключением христианской Библии, между словами Христа во славе Его: «Я Альфа и Омега, начало и конец; я даю жаждущему от источника воды живой даром; победивший унаследует все, и Я буду его Богом и он будет Мне сыном», между этими словами и словами царя персидского, между этим домом, который надлежит воздвигнуть во Иерусалиме иудейском, и жилищем Бога и с Ним людей в новом Иерусалиме, сходящем с небес, контраст воистину поразительный. С точки зрения евреев, отвергающих великую универсальную развязку своей национальной истории, открытую в Новом Завете, пришлось бы признать, что сотворение неба и земли, призвание, возложенное на патриархов, миссия Моисея, чудеса Исхода, откровение на Синае, подвиги и гимны Давида, мудрость Соломона, вдохновение пророков – что все эти чудеса и вся эта святая слава привели в конце концов лишь к манифесту языческого царя, повелевающего горстке евреев выстроить второй Иерусалимский храм, тот храм, бедность которого по сравнению с великолепием первого вызвала слезы у старцев Иудеи, и который впоследствии был расширен и украшен Иродом лишь для того, чтобы быть окончательно разрушенным солдатами Тита. Итак, не субъективный предрассудок христианина, а памятник национальной мысли самих евреев ясно доказывает, что вне христианства историческое дело Израиля потерпело крушение, и что следовательно народ может при случае не понять своего призвания.

III

Я не отклонился от своего предмета, говоря о Библии евреев. Ибо в этой прерванной Библии в этом контрасте величественного начала и жалкого конца есть нечто, напоминающее мне судьбы России, если рассматривать их с точки зрения исключительно националистической, господствующей у нас в данное время и соединяющей в молчаливом согласии Каиаф и Иродов нашей бюрократии с зилотами воинствующего панславизма.

Действительно, когда я думаю о пророческих лучах великого будущего, озарявших первые шаги нашей истории, когда я вспоминаю о благородном и мудром акте национального самоотречения, создавшем более тысячи лет тому назад русское государство в дни, когда наши предки, видя недостаточность туземных элементов для организации общественного порядка, по своей доброй воле и по зрелом размышлении призвали к власти скандинавских князей, сказав им достопамятные слова: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет, приходите княжить и владеть нами». А после столь оригинального установления материального порядка не менее замечательное водворение христианства и великолепный образ Св. Владимира, усердного и фанатического поклонника идолов, который, почувствовав неудовлетворенность язычества и испытывая внутреннюю потребность в истинной религии, долго размышлял и совещался, прежде чем принять эту последнюю, но, став христианином, пожелал быть им на самом деле и не только отдался делам милосердия, ухаживая за больными и бедными, но проявил большее проникновение евангельским духом, чем крестившие его греческие епископы; ибо этим епископам удалось только путем утонченных аргументов убедить этого, некогда столь кровожадного, князя в необходимости применять смертную казнь к разбойникам и убийцам: «Боюсь греха», говорил он своим духовным отцам. И затем, когда за этим «красным солнышком», – так народная поэзия прозвала нашего первого христианского князя, – когда за этим красным солнышком, озарявшим начало нашей истории, последовали века мрака и смут, когда после долгого ряда бедствий, оттесненный в холодные леса северо-востока, притупленный рабством и необходимостью тяжелого труда на неблагоприятной почве, отрезанный от цивилизованного мира, едва доступный даже для послов главы христианства¹, русский народ опустился до грубого варварства, подчеркнутого глупой и невежественной национальной гордостью, когда, забыв истинное христианство Святого Владимира, московское благочестие стало упорствовать в нелепых спорах об обрядовых мелочах, и когда тысячи людей посылались на костры за излишнюю привязанность к типографским ошибкам в старых церковных книгах, – внезапно в этом хаосе варварства и бедствий подымается колоссальный и единственный в своем роде образ Петра Великого. Отбросив слепой национализм Москвы, проникнутый просвещенным патриотизмом, видящим истинные потребности своего народа, он не останавливается ни перед чем, чтобы внести, хотя бы насильственно, в Россию ту цивилизацию, которую она презирала, но которая была ей необходима; он не только призывает эту чуждую

¹ Смотри интересный этюд отца Пирлинга, Рим и Москва, 1547–1579.

цивилизацию, как могучий покровитель, но сам идет к ней, как смиренный служитель и прилежный ученик; и несмотря на крупные недочеты в его характере, как частного лица, он до конца являет достойный удивления пример преданности долгу и гражданской доблести. И вот, вспоминая все это, говоришь себе: сколь велико и прекрасно должно быть в своем конечном осуществлении национальное дело, имевшее таких предшественников, и как высоко должна, если она не хочет упасть, ставить свою цель страна, имевшая во времена своего варварства своими представителями Святого Владимира и Петра Великого. Но истинное величие России – мертвая буква для наших лжепатриотов, желающих навязать русскому народу историческую миссию на свой образец и в пределах своего понимания. Нашим национальным делом, если их послушать, является нечто, чего проще на свете не бывает, и зависит оно от одной-единственной силы – силы оружия. Добить издыхающую Оттоманскую империю, а затем разрушить монархию Габсбургов, поместив на месте этих двух держав кучу маленьких независимых национальных королевств, которые только и ждут этого торжественного часа своего окончательного освобождения, чтобы броситься друг на друга. Действительно, стоило России страдать и бороться тысячу лет, становиться христианской со Святым Владимиром и европейской с Петром Великим, постоянно занимая при этом своеобразное место между Востоком и Западом, и все это для того чтобы в последнем счете стать орудием «великой идеи» сербской и «великой идеи» болгарской!

Но, скажут нам, не в этом дело: истинная цель нашей национальной политики это – Константинополь. Повидимому, греков уже перестали принимать в расчет, а ведь у них есть тоже своя «великая идея» панэллинизма. Но самое важное было бы знать, с чем, во имя чего можем мы вступить в Константинополь? Что можем мы принести туда, кроме языческой идеи абсолютного государства, принципов цезарепапизма, заимствованных нами у греков и уже погубивших Византию? В истории мира есть события таинственные, но нет бессмысленных. Нет! Не этой России, какой мы ее видим теперь, России, изменившей лучшим своим воспоминаниям, урокам Владимира и Петра Великого, России, одержимой слепым национализмом и необузданным обскурантизмом, не ей овладеть когда-либо вторым Римом и положить конец роковому восточному вопросу. Если благодаря нашим ошибкам этот вопрос не может быть разрешен к вящей нашей славе, он будет разрешен к вящему нашему унижению. Если Россия будет упорствовать на пути гнетущего обскурантизма, на который она вновь вступила теперь, место на Востоке займет другая национальная сила, в значительной степени менее одаренная, но зато и значительно более устойчивая в своих ограниченных духовных силах. Болгары, вчера еще столь любезные нам и покровительствуемые нами, сегодня презренные бунтовщики в наших глазах, завтра станут нашими торжествующими соперниками и господами древней Византии.

IV

Не следует впрочем преувеличивать эти пессимистические опасения. Россия еще не отказалась от смысла своего существования, она не отреклась от веры и любви первой своей юности. В ее воле еще отказаться от этой политики эгоизма и национального отупения, которая неизбежно приведет к крушению нашу историческую миссию. Фальсифицированный продукт, называемый общественным мнением, фабрикуемый и продаваемый по дешевой цене оппортунистической прессой, еще не задушил у нас национальной совести, которая сумеет найти более достоверное выражение для истинной русской идеи. За этим не надо далеко ходить: она здесь, близко – эта истинная русская идея, засвидетельствованная религиозным характером народа, прообразованная и указанная важнейшими событиями и величайшими личностями нашей истории. И если этого недостаточно, то есть еще более великое и верное свидетельство – откровенное Слово Божие. Я не хочу сказать, чтобы в этом Слове можно было найти что-либо о России: напротив, молчание его укажет нам истинный путь. Если единственный народ, о котором специально пеклось божественное провидение, был народ израильский, если смысл существования этого единственного в своем роде народа лежал не в нем самом, но в приуготованном им христианском откровении, и если, наконец, в Новом Завете уже нет речи о какой-либо отдельной национальности и даже определенно указывается, что никакой национальной антагонизм не должен более иметь места, то не следует ли вывести из всего этого, что в первоначальной мысли Бога нации не существуют вне их органического и живого единства, – вне человечества? И если это так для Бога, то это должно быть так и для самих наций, поскольку они желают осуществить свою истинную идею, которая есть не что иное, как образ их бытия в вечной мысли Бога.

Смысл существования наций не лежит в них самих, но в человечестве. Но где же оно, это человечество? Не является ли оно лишь абстрактным существом, лишенным всякого реального бытия? С таким же правом можно было бы сказать, что рука и нога реально существуют, а человек в его целом есть лишь абстрактное существо. Впрочем, зоологам известны животные (принадлежащие по большей части к низшему классу *acinozoa*: медузы, полипы и т. д.), представляющие в сущности лишь весьма дифференцированные и живущие обособленной жизнью органы, так что животное в его целом существует лишь в идее. Таков был и образ существования человеческого рода до христианства, когда в действительности существовали лишь *dissecta membra*¹ вселенского человека, – племена и нации, разделенные или частично связанные внешней силой, когда истинное существенное единство человечества было лишь обетованием, пророческой идеей. Но эта идея стала плотью, когда абсолютный центр всех существ открылся во Христе. С тех пор великое человеческое единство, вселенское тело Богочеловека, реально существует на земле. Оно несовершенно, но оно существует; оно несовершенно, но оно движется к совершенству, оно растет и расширяется вовне и развивается внутренне. Человечество уже не абстрактное существо, его субстанциальная форма реализуется в христианском мире, в вселенской Церкви.

¹ Разъятые члены (лат.).

Участвовать в жизни вселенской Церкви, в развитии великой христианской цивилизации, участвовать в этом по мере сил и особых дарований своих, вот в чем, следовательно, единственная истинная цель, единственная истинная миссия всякого народа. Это – очевидная и элементарная истина, что идея отдельного органа не может обособлять его и ставить в положение противоборства к остальным органам, но что она есть основание его единства и солидарности со всеми частями живого тела. И с христианской точки зрения нельзя оспаривать приложимости этой совершенно элементарной истины ко всему человечеству, которое есть живое тело Христа. Вот почему сам Христос, признав в последнем слове своем к апостолам, существование и призвание *всех наций* (Матф. XXVIII, 19), не обратился сам и не послал учеников своих ни к какой нации в частности: ведь для Него они существовали лишь в своем моральном и органическом союзе, как живые члены одного духовного и реального тела. Таким образом христианская истина утверждает неизменное существование *наций* и прав *национальности*, осуждая в то же время *национализм*, представляющий для народа то же, что эгоизм для индивида: дурной принцип, стремящийся изолировать отдельное существо превращением различия в разделение, а разделения в антагонизм.

V

Русский народ – народ христианский, и, следовательно, чтобы познать истинную русскую идею, нельзя ставить себе вопроса, что сделает Россия чрез себя и для себя, но что она *должна сделать* во имя христианского начала, признаваемого ею и во благо всего христианского мира, частью которого она предполагается. Она должна, чтобы действительно выполнить свою миссию, всем сердцем и душой войти в общую жизнь христианского мира и положить все свои национальные силы на осуществление, в согласии с другими народами, того совершенного и вселенского единства человеческого рода, непреложное основание которого дано нам в Церкви Христовой. Но дух национального эгоизма не так-то легко отдает себя на жертву. У нас он нашел средство утвердиться, не отрекаясь открыто от религиозного характера, присущего русской национальности. Не только признается, что русский народ – народ христианский, но напыщенно заявляется, что он – христианский народ по преимуществу, и что Церковь есть истинная основа нашей национальной жизни; но все это лишь для того, чтобы утверждать, что *Церковь имеется исключительно у нас*, и что мы имеем монополию веры и христианской жизни. Таким образом Церковь, которая в действительности есть нерушимая скала вселенского единства и солидарности, становится для России палладиумом узкого национального партикуляризма, а зачастую даже пассивным орудием эгоистической и ненавистнической политики.

Наша религия, поскольку она проявляется в вере народной и в богослужении, вполне православна. Русская Церковь, поскольку она сохраняет истину веры, непрерывность преемственности от апостолов и действительность таинств, участвует по существу в единстве Вселенской Церкви, основанной Христом. И если к несчастью это единство существует у нас только в скрытом состоянии и не достигает живой действительности, то в этом виноваты вековые цепи, сковывающие тело нашей Церкви с нечистым трупом, удушающим ее своим разложением.

Официальное учреждение, представителями которого являются наше церковное управление и наша богословская школа, поддерживающее во что бы то ни стало свой партикуляристический и односторонний характер, бесспорно не являет собою живую часть истинной вселенской Церкви, основанной Христом. Для того, чтобы выразить, что представляет собою в действительности это учреждение, мы уступим слово автору, свидетельство которого имеет в данном случае исключительную ценность. Один из самых выдающихся вождей «русской партии», горячий патриот и ревностный православный, в своем качестве славянофила открытый враг Запада вообще и римской церкви в частности, питающий отвращение к папству и чувство омерзения к иезуитам, И.С.Аксаков, не может быть заподозрен в предвзятом нерасположении к нашей национальной церкви, как таковой. С другой стороны, хотя Аксаков и разделял предрассудки и заблуждения своей партии, он стоял выше обыденных панславистов не только по своему таланту, но и по своей добросовестности, по искренности своей мысли и прямоте своих слов. Долгое время преследуемый администрацией, приговоренный к молчанию на двенадцать лет, он лишь в последние годы своей жизни получил, в качестве личной хотя и всегда проблематической привилегии, относительную свободу говорить в печати то, что думает.

VI

Итак, выслушаем этого честного и весьма авторитетного свидетеля. Он опирался в своем суждении на длинный ряд неоспоримых фактов, которые нам здесь приходится выпустить; нам довольно будет и того, что это говорит он:

«Наша церковь, со стороны своего управления, представляется теперь у нас какою-то колоссальною канцелярией, прилагающей, – с неизбежною, увы, канцелярскою официальною ложью, – порядки немецкого канцеляризма к пасению стада Христова¹... Но с организацией самого управления, т.е. с организацией пастырства душ, на начале государственного формализма, по образу и подобию государства, с причислением служителей церкви к сонму слуг государственных, не превращается ли сама церковь в одно из отправлений государственной власти, не становится ли она одной из функций государственного организма – говоря отвлеченным языком, или говоря проще – не поступает ли она и сама на службу к государству?... Повидимому, церкви дано лишь правильное благоустройство, – введен, наконец, необходимый порядок... Повидимому так, но случилась только одна безделица: убyla душа; *подменен идеал*, т. е. на месте идеала церкви очутился идеал государственный и правда внутренняя замещена правдой формальною, внешнею... Дело в том, что вместе с государственным элементом и *государственное мирозерцание*, как тонкий воздух, почти нечувствительно прокралось в ум и душу едва ли не всей, за немногими исключениями, нашей церковной среды и стеснило разумение до такой степени, что живой смысл

¹ Сочинения И. С. Аксакова, т. IV, стр. 124.

настоящего призвания церкви становится уже ей теперь малодоступен¹... Встречаются просвещенные духовные лица, истинно горящие о недостаточно благоустроенном состоянии церкви, требующие от правительства издания свода законов церковных... между тем более тысячи статей находим мы в своде законов, определяющих покровительство государства церкви и отношение полиции к вере и верующим»...

«На страже русского православия стоит государственная власть, с обнаженным, поднятым мечом, – «хранительница догматов господствующей веры и блюстительница всякого в святой церкви благочиния», – готовая покарать малейшее отступление от того церковного, ею оберегаемого «правoverия», которое установлено не только изволением Святого Духа, вселенскими и поместными соборами, святыми отцами и всею жизнью церкви, – но, для большей крепости и со значительными добавлениями, также и Сводом Законов Российской империи. Приведенные нами выше подлинные выражения заимствованы из этого свода²... Там, где нет живого внутреннего единства и целостности, там внешность единства и целостности церкви может держаться только насилием и обманом...»³.

По поводу жестокого преследования, возбужденного церковными и гражданскими властями против местной протестантской секты (штундистов) на юге России, Аксаков выражает живое чувство справедливого негодования:

«Отучать острогом от алкания духовной пищи, не предлагая взамен ничего, отвечать острогом на искреннюю потребность веры, на запросы недремлющей религиозной мысли, острогом доказывать правоту православия, – это значит посягать на самое существенное основание святой веры, – основание искренности и свободы, подкапываться под самое вероучение православной церкви и давать в руки своему противнику, протестантизму, победоносное оружие»⁴.

И однако оказывается, что уголовные законы с их «острогом», столь возмущившим нашего патриота, безусловно необходимы для поддержания «господствующей церкви». Наиболее искренние и разумные защитники этой церкви (как например историк Погодин, цитируемый в числе многих других нашим автором) откровенно признаются, что, раз религиозная свобода будет допущена в России, половина православных крестьян отпадет в раскол (схизма староверов, весьма многочисленных, несмотря на все преследования), а половина высшего общества перейдет в католичество.

«Что свидетельствуется этими словами? – спрашивает Аксаков: то, что целая половина членов православной церкви, половина русских крестьян, половина женщин русского образованного общества только по наружности принадлежат православной церкви и удерживаются в ней только страхом государственного наказания... Так это положение нашей церкви? Таково, стало быть, ее современное состояние? Недостойное состояние, не только прискорбное, но и страшное! Какой переизбыток кощунства в ограде святыни, лицемерия вместо правды, страха вместо любви, растления при внешнем порядке, бессовестности при насильственном ограждении совести, – какое отрицание в самой церкви всех жизненных основ церкви, всех причин ее бытия, – ложь и безверие там, где все живет, есть и движется истиною, и верою, без них же в церкви «ничтоже бысть»!.. Однако ж не в том главная опасность, что закралось зло в среду верующих, а в том, что оно получило в ней право гражданства, что такое положение церкви истекает из положения, созданного ей государственным законом, и такая аномалия есть прямое порождение нормы, излюбленной для нее и государством, и самим нашим обществом»⁵...

«Вообще, у нас в России, в деле церкви, как и во всем, ревнивей всего охраняется благовидность, decorum, – и этим большею частью и удовлетворяется наша любовь к церкви, наша ленивая любовь, наша ленивая вера! Мы охотно жмуриим глаза, и в своей детской боязни «скандала» стараемся завесить для своих собственных взоров и для взора мира многое, многое зло, которое, под покровом внешнего «благолепия», «благоприличия», «благообразия», как рак, как ржавчина, точит и подъедает самый основной нерв нашего духовно-общественного организма»⁶.

«Нигде так не бояться правды, как в области нашего церковного управления, нигде младшие так не трусят старших, как в духовной иерархии, нигде так не в ходу «ложь во спасение», как там, где ложь должна бы быть в омерзении. Нигде, под предлогом змеиной мудрости, не допускается столько сделок и компромиссов, унижающих достоинство церкви, ослабляющих уважение к ее авторитету. Все это происходит, главным образом, от недостатка веры в силу истины»⁷...

«В том-то и страшная беда наша, что все, обнаруживаемое теперь в печати, и еще несравненно худшее, – все это мы знали и знаем, и со всем этим ужились и уживаемся, примирились и примиряемся. Но на таком постыдном мире и постыдных сделках не удержится мир церкви, и они равняются в деле истины, если не предательству, то поражению»⁸.

«Если судить по словам ее защитников, наша церковь уже не «малое, но верное стадо», а стадо великое, но неверное, которого «пастырем добрым» – полиция, насильно, дубьем загоняющая овец в стадо!.. Соответствует ли такой образ церкви образу церкви Христовой? Если же не соответствует, то она уже не есть Христова, – а если не

¹ Там же, стр. 125, 126.

² Там же, стр. 84.

³ Там же, стр. 100.

⁴ Там же, стр. 72.

⁵ Там же, стр. 91.

⁶ Там же, стр. 42.

⁷ Там же, стр. 35.

⁸ Там же, стр. 43.

Христову, то что же она? Уж не государственное ли только учреждение, полезное для видов государственных, – как и смотрел на нее Наполеон, признававший, что религия – вещь для дисциплины нравов весьма пригодная?.. Но церковь есть такая область, где никакое искажение нравственной основы допущено быть не может, и тем более в принципе, где никакое отступление от жизненного начала не остается и не может остаться безнаказанным, – где, если солгано, то солгано уже «не человекам, а Духу». Если церковь не верна завету Христову, то она есть самое бесплодное, самое аномальное явление на земле, заранее осужденное словом Христовым»¹.

«Если церковь в деле веры прибегает к орудиям недуховным, к грубому вещественному насилию, то это значит, что она отрекается от своей собственной духовной стихии, сама себя отрицает, перестает быть «церковью», – становится государственным учреждением, т. е. государством, «царством от мира сего», – сама обрекает себя на судьбу мирских царств»...² Она отрекается сим от самой себя, от собственной причины бытия, осуждает сама себя на мертвенность и бесплодие»...³

«В России не свободна только русская совесть... Оттого и коснеет религиозная мысль, оттого и водворяется мерзость запустения на месте святе, и мертвенность духа заступает жизнь духа, и меч духовный – слово – ржавеет, упраздненный мечом государственным, и у ограды церковной стоят не грозные ангелы Божий, охраняющие ее входы и выходы, а жандармы и квартальные надзиратели как орудия государственной власти, – эти стражи нашего русского душеспасения, охранители догматов Русской православной церкви, блюстители и руководители русской совести»...⁴

И вот, наконец, последний вывод из этого строгого рассмотрения дела:

«Дух истины, дух любви, дух жизни, дух свободы... в его спасительном веянии нуждается русская церковь!»⁵.

VII

Установление, покинутое Духом истины, не может быть истинной Церковью Бога. Чтобы признать это, нам нет надобности отрекаться от религии отцов наших, отказываться от благочестия православного народа, от его священных преданий, от всех чтимых им святынь. Напротив того, совершенно очевидно, что единственное, чем мы должны пожертвовать истины ради, это – лже-церковным учреждением, столь хорошо охарактеризованным нашим православным писателем, – учреждением, основанным на раболепстве и материальном интересе и действующим путем обмана и насилия.

Система правительственного материализма, опиравшаяся исключительно на грубую силу оружия и не ставившая ни во что моральное могущество мысли и свободного слова, – эта материалистическая система привела уже нас однажды к севастопольскому разгрому. Совесть русского народа нашла правдивое выражение в лице его монарха и громко заговорила. Россия принесла покаяние и воспрянула в акте справедливости – в освобождении крестьян от крепостной зависимости. Этот акт, составивший славу великого царствования, представляет из себя однако только начало. Дело социального освобождения не может ограничиваться одним материальным порядком. Тело России свободно, но национальный дух все еще ждет своего 19-го февраля. А ведь одним телом своим и чисто материальной работой Россия не может выполнить своей исторической миссии и выявить свою истинную национальную идею. А как ей выявиться этой бедной русской идее, когда она заточена в тесную тюрьму, лишена воздуха и света, когда сторожат ее злые и ревнивые евнухи? Не возвращаясь вспять к царствованию Николая I и не подражая великим ошибкам этого великого государя, можем мы исправить существенные недостатки в незавершенном деле Александра II. Не надо искушать Провидение, слишком скоро забывая преподанные нам им исторические уроки. Позволительно надеяться, что религиозное чувство, добрая воля и здравый смысл, отличающие ныне царствующего императора, оградят его от превратно мыслящих советников, желающих навязать ему губительную политику, осужденную и приговоренную под Севастополем.

Религиозное и умственное освобождение России есть в настоящую минуту для нашего правительства дело такой же настоятельной необходимости, каким тридцать лет тому назад являлось освобождение крепостных для правительства Александра II. Крепостная зависимость так же была в свое время чем-то полезным и необходимым. Равным образом и официальная опека, наложенная на национальный дух России, могла быть благотворительной, когда этот дух был еще в детском состоянии; в настоящее время она может только придушить его. Бесплезно все снова и снова повторять, что наш национальный организм полон здоровья и силы, словно надо быть непременно слабым и больным, чтобы можно было тебя задушить. Каковы бы ни были внутренне присущие русскому народу качества, они не могут проявляться нормальным образом, пока его совесть и его мысль остаются парализованными правящим насилием и обскурантизмом. Прежде всего необходимо дать свободный доступ чистому воздуху и свету, снять искусственные преграды, удерживающие религиозный дух нашей нации в обособлении и бездеятельности, надо открыть ему прямой путь к полной и живой истине.

Но истины бояться, потому что она кафолична, т. е. вселенская. Во что бы то ни стало хотят иметь свою особую религию, русскую веру, императорскую Церковь. Она не является ценной сама по себе, за нее держатся как за атрибут и санкцию исключительного национализма. Но не желающие пожертвовать своим национальным эгоизмом вселенской истине не могут и не должны называться христианами.

У нас идут приготовления к торжественному празднованию девятисотлетия христианства в России. Но пови-

¹ Там же, стр. 91, 92.

² Там же, стр. 111.

³ Там же, стр. 93.

⁴ Там же, стр. 83, 84.

⁵ Там же, стр. 127.

димому мы поспешили с этим праздником. Если послушать некоторых патриотов, то придется к мысли, что крещение Святого Владимира, столь действенное для самого князя, для его нации было лишь крещением водой и что нам следовало бы принять вторичное крещение духом истины и огнем любви. И действительно, это второе крещение безусловно необходимо, если не для всей Руси, то по крайней мере для той части нашего общества, которая в настоящее время говорит и действует. Чтобы стать христианской, она должна отречься от нового идолослужения, менее грубого, но не менее нелепого и значительно более вредоносного, чем идолослужение наших языческих предков, отвергнутое Святым Владимиром. Я говорю о новом идолослужении, об эпидемическом безумии национализма, толкающем народы на поклонение своему собственному образу, вместо высшего и вселенского Божества.

VIII

Чтобы удержать и проявить христианский характер России, нам нужно окончательно отречься от ложного божества нашего века и принести в жертву истинному Богу наш национальный эгоизм. Провидение поставило нас в особые условия, которые должны сделать эту жертву более совершенной и более действенной. Существует элементарный моральный закон, одинаково обязательный как для индивидов, так и для наций и выраженный в словах Евангелия, повелевающих нам, прежде чем принести жертву к алтарю, примириться с братом, имеющим что-либо против нас. У русского народа есть брат, имеющий тяжелые обвинения против него, и нам нужно помириться с этим народом – братом и врагом – для начала принесения в жертву нашего национального эгоизма на алтарь Вселенской Церкви.

Это не вопрос чувства, хотя и чувство должно было бы иметь свое место во всех человеческих отношениях. Но между сантиментальной политикой и политикой эгоизма и насилия есть нечто среднее: политика нравственной обязательности или справедливости. Я не хочу рассматривать здесь притязаний поляков на восстановление их старого королевства, ни тех возражений, которые русские с полным правом могут им противопоставить. Дело не в осуществлении проблематических планов, а в очевидной и неоспоримой несправедливости, от которой нам следует отказаться во всяком случае. Я говорю о гнусной системе русификации, которая имеет дело уже не с политической автономией, но нападает на национальное существование, на самую душу польского народа. Обрушить Польшу, значит убить нацию, имеющую весьма развитое самосознание, имевшую славную историю и опередившую нас в своей интеллектуальной культуре, нацию, которая и теперь еще не уступает нам в научной и литературной деятельности. И хотя при этих условиях окончательная цель наших русификаторов по счастью, недостижима, однако все, что предпринимается для ее осуществления, не становится от этого менее преступным и зловердным. Эта тираническая русификация, тесно связанная с еще более тираническим разрушением греко-униатской церкви, представляет воистину национальный грех, тяжелым бременем лежащий на совести России и парализующий ее моральные силы.

Бывали случаи, что великие нации в течение долгого времени одерживали победы в неправом деле. Но Провидение, в особой заботливости о спасении нашей национальной души, спешит, по-видимому, показать нам с полной очевидностью, что сила, даже победоносная, ни на что не пригодна, когда ею не руководит чистая совесть. Наш исторический грех отнял у последней нашей войны ее практические результаты, а вместе с ними ее моральную ценность; он преследовал на Балканах наших победоносных орлов и остановил их перед стенами Константинополя; отняв у нас уверенность и порыв народа, верного своей миссии, этот грех навязал нам вместо триумфа, купленного столькими героическими усилиями, унижение Берлинского конгресса и в заключение прогнал нас из Сербии и Болгарии, которым мы хотели оказать покровительство, продолжая угнетать Польшу.

Эта система гнета, применяемая не к одной только Польше, как ни плоха сама по себе, становится еще значительно хуже от того вопиющего противоречия, в котором она стоит к великодушным освободительным идеям и бескорыстному покровительству, на которые русская политика всегда заявляла свое преимущественное право. Эта политика по необходимости пропитана лживостью и лицемерием, отнимающими у нее всякий престиж и делающими невозможным какой-либо прочный успех. Нельзя безнаказанно написать на своем знамени свободу славянских и других народов, отнимая в то же время национальную свободу у поляков, религиозную свободу у униатов и русских раскольников, гражданские права у евреев.

Не в таком состоянии, с устами загражденными, с завязанными глазами и с душой, раздираемой противоречиями и угрызениями совести, надлежит идти России на свое историческое дело. Нам уже были даны два тяжелых урока, два строгих предостережения: в Севастополе, во-первых, и затем при еще более знаменательных обстоятельствах – в Берлине. Не следует ждать третьего предостережения, которое может быть и последним. Раскаяться в своих исторических грехах и удовлетворить требованиям справедливости, отречься от национального эгоизма, отказавшись от политики русификации и признав без оговорок религиозную свободу, – вот единственное средство для России приуготовить себя к откровению и осуществлению своей действительной национальной идеи, которая – этого не следует забывать – не есть отвлеченная идея или слепой рок, но прежде всего нравственный долг. Русская идея, мы знаем это, не может быть ничем иным, как некоторым определенным аспектом идеи христианской, и миссия нашего народа может стать для нас ясна, лишь когда мы проникнем в истинный смысл христианства.

IX

Вот уже около тридцати или сорока лет как более или менее почтенные писатели проповедуют нам как во Франции, так и в России¹ некоторое идеальное христианство и идеальную церковь, духовное царство свободного братства и совершенной любви. Таков конечно идеал, т.-е. будущее церкви. Доктрина этих авторов есть проро-

¹ Я имею в виду, по отношению к Франции, то, что Анатолий Леруа-Болье так удачно назвал «темной и безсильной школой Бордас-Дюмулена и Гюэ» (см. *Либеральные католики*, стр. 182). В России идеи Бордас-Дюмулена были восприняты Хомяковым, который положил свой выдающийся талант на популяризацию этих идей, придав им ложную видимость греко-русского православия.

чество. Но чтобы не быть *лжепророчеством*, она должна была бы указать нам прямой путь и действительные средства к осуществлению этого абсолютного идеала. Идеал, если он только не пустая мечта, не может быть ничем другим, как осуществимым совершенством того, что уже дано. Разве отказом от прошлого вселенской Церкви и разрушением ее формы, как она нам дана в настоящем, можем мы прийти к идеальному царству братства и совершенной любви? Это было бы лишь довольно неуместным приложением закона отцеубийства, правящего нашей смертной жизнью. В этой жизни, определяемой состоянием извращенности природы, новое поколение достигает пользования действительностью, лишь неблагородно вытесняя своих предков, но потому-то это преступное существование и длится лишь одно мгновение; и если Кронос, искалечив и вытеснив старого Ураноса, сам был в свою очередь устранен Зевсом, которого ему не удалось проглотить, то и этот новый бог вступил на оскверненный престол лишь для того, чтобы со временем потерпеть подобную же участь. Таков закон фальсифицированной и извращенной жизни, жизни, которой не надлежало бы быть, ибо она скорее смерть, чем жизнь; и в силу этого человечество, истомленное нескончаемостью бедствия, в смертельной тоске ждало, как истинного спасителя, *Сына Бога, который не был бы соперником своего Отца*. И теперь, когда этот истинный Сын, не замещающий, но являющий в себе и прославляющий Отца, пришел и дал возрожденному человечеству, вселенской Церкви, закон бессмертной жизни, пытаются под новой маской ввести в саму эту Церковь, в этот организм истинной жизни, упраздненный закон смерти!

На самом деле во вселенской Церкви прошлое и будущее, традиция и идеал не только не исключают друг друга, но равно существенны и необходимы для создания истинного настоящего человечества, его благосостояния в данное время. Благочестие, справедливость и милосердие, чуждые всякой зависти и всякому соперничеству, должны образовать устойчивую и нерасторжимую связь между тремя основными действующими силами социального и исторического человечества, между представителями его прошлого единства, его настоящей множественности и его будущей целостности.

Принцип прошлого, или *отчества* осуществлен в Церкви *священством*, духовными отцами, старцами или старейшинами по преимуществу (*pretre* от пресвитер – *senior*), представителями на земле небесного Отца, Ветхого деньми. И для всеобщей или католической Церкви должно существовать общее или интернациональное священство, централизованное и объединенное в лице общего Отца всех народов, верховного первосвященника. Очевидно в самом деле, что национальное священство не может, как таковое, быть представителем общего отчества, долженствующего равно обнимать все нации. Что же касается до соединения различных национальных клиров в одно вселенское тело, то оно может быть осуществлено лишь при посредстве реального и постоянного интернационального центра, могущего по праву и на деле противодействовать всем партикуляристическим тенденциям.

Реальное единство семьи не может существовать правильным и устойчивым образом без общего отца или кого-либо, замещающего его. Чтобы создать из индивидов и народов семью, реальное братство, необходимо осуществить здесь на земле отеческий принцип религии в церковной монархии, которая действительно могла бы объединить вокруг себя все национальные и индивидуальные элементы и служить им постоянно живым образом и свободным орудием небесного отчества.

Вселенское или интернациональное священство с Верховным Первосвященником, как единственным центром, отображает, одухотворяя его, первый возраст человечества, когда все народы в действительности были соединены общностью происхождения и тождественностью религиозных идей и правил жизни. В этом истинное *прошлое* человеческого рода, прошлое, не лежащее гнетом на настоящее, но служащее ему устойчивой основой, и не исключающее будущего, но по существу единое с ним; что же касается *настоящего* человечества, то оно является нам определенным многообразием наций, стремящихся сплотиться в *законченные тела* или государства, имеющие каждое отдельный независимый центр, светскую власть или мирское правительство, представляющее и направляющее объединенную деятельность национальных сил. Интересы человечества в целом не существуют для государства и светского правительства, обязанности которого ограничены той частью человеческого рода, во главе которой оно стоит. Вселенская Церковь, пребывая чрез посредство священнического чина, объединенного в лице Верховного Первосвященника, хранительницей религии всеобщего отчества, великого и вечного прошлого нашего рода, не исключает однако наличного многообразия наций и государств. Церковь не может только ни в каком случае санкционировать, – и в этом она является верным орудием истины и воли Божией, – раздоров и борьбы между нациями, как окончательного состояния человеческого общества. Истинная Церковь всегда осудит доктрину, утверждающую, что нет ничего выше национальных интересов, это новое язычество, творящее себе из нации верховное божество, этот ложный патриотизм, стремящийся стать на место религии. Церковь признает права наций, нападая в то же время на национальный эгоизм; она уважает власть государства, но противоборствует его абсолютизму.

Национальные различия должны пребыть до конца веков; народы должны оставаться на деле обособленными членами вселенского организма. Но и сам этот организм должен также существовать на деле; великое человеческое единство не должно существовать лишь в виде скрытой силы или абстрактного существа, но должно воплотиться в видимом социальном теле, явная и непрестанная центростремительная сила которого могла бы противодействовать множеству центробежных сил, раздирающих человечество.

Чтобы достигнуть идеала совершенного единства, нужно опираться на единство *не совершенное, но реальное*. Прежде чем объединиться в свободе, нужно объединиться в послушании. Чтобы возвыситься до вселенского *братства*, нации, государства и властители должны подчиниться сначала вселенскому *сыновству*, признав моральный авторитет общего отца. Забвение тех чувств, которые народы должны питать к религиозному прошлому человечества, было бы весьма плохим предзнаменованием для будущего этого последнего. Когда сеешь нечестие, пожинаешь отнюдь не братство.

Истинная будущность человечества, над которой нам надлежит потрудиться, есть вселенское брат-

ство, исходящее из *вселенского отчества* чрез *непрестанное моральное и социальное сыновство*. Это будущее, которое для осуществления полного идеала должно согласить интересы настоящей жизни с правами прошлого, было во все времена представляемо в церкви Бога *истинными пророками*. Общение Бога с людьми или Вселенская Церковь (в широком смысле этого слова), имея в священстве орудие своего основного религиозного единства и в мирской власти орудие своей наличной национальной множественности, должна выявить также свою абсолютную *целостность*, свое свободное и совершенное единство при посредстве пророков, свободно воздвигаемых Духом Божиим для просвещения народов и их властителей и непрестанно указывающих им на *совершенный* идеал человеческого общества.

Х

Таким образом все три члена социального бытия *одновременно* представлены в истинной жизни вселенской Церкви, направляемой совокупностью всех трех главных действующих сил: духовного авторитета вселенского первосвященника (непогрешимого главы священства), представляющего истинное непреходящее прошлое человечества; светской власти национального государя (законного главы государства), сосредоточивающего в себе и олицетворяющего собою интересы, права и обязанности настоящего; наконец, свободного служения пророка (вдохновенного главы человеческого общества в его целом), открывающего начало осуществления идеального будущего человечества. Согласие и гармоническое действие этих трех главных факторов является первым условием истинного прогресса. Верховный Первосвященник есть представитель истинного, вечного отчества, а не ложного отчества языческого Кроноса (Времени), пожирающего своих детей. Он, напротив, находит свою жизнь лишь в их жизни. Верный страж предания, утверждающий его неизменное единство, вселенский первосвященник не имеет надобности отвергать ни законных интересов настоящего, ни благородных порывов к идеалу совершенному; для доброго ограждения прошлого ему не нужно связывать настоящего и закрывать дверь перед будущим. Со своей стороны глава национального государства, если он достоин врученной ему власти, должен мыслить и действовать как истинный сын вселенской Церкви (представленной Верховным Первосвященником), и тогда он есть истинный образ и орудие Сына и вечного Царя, того, кто творит не свою волю, но волю Отца и желает быть прославленным лишь для того, чтобы в себе прославить Отца. Наконец, свободный инициатор прогрессивного социального движения, пророк, если только он верен своему великому призванию, если он согласует свое личное вдохновение с вселенским преданием и свою свободу – истинную свободу чад Божиих – с сыновним благоговением к священному авторитету и со справедливым уважением к законным властям и правам, становится истинным орудием Святого Духа, глаголавшего устами пророков и одушевляющего вселенское тело Христа, побуждая его стремиться к безусловному совершенству. Чем совершеннее единение этих трех одновременных представителей прошлого, настоящего и будущего человечества, тем решительнее победа вселенской Церкви над роковым законом времени и смерти, тем теснее связь, соединяющая наше земное существование с вечной жизнью божественной Троицы.

Как в Троице каждая из трех ипостасей есть совершенный Бог, и тем не менее, *в силу их единосущности*, существует только один Бог, ибо ни одно из этих трех лиц не имеет отдельного бытия и никогда не находится вне субстанционального и нераздельного единства с двумя другими, точно так же каждый из трех главных чинов теократического общества владеет действительной верховной властью, при чем однако это не предполагает трех различных абсолютных властей во вселенской церкви или в какой-либо ее части, ибо три представителя богочеловеческой верховной власти должны быть *безусловно солидарны* между собой, являясь лишь тремя главными органами единого общественного тела, выполняющими три основные функции единой коллективной жизни.

В божественной Троице третье лицо предполагает два первых в их единстве. Так оно должно быть и в социальной троице человечества. Свободная и совершенная организация общества, представляющая призвание истинных пророков, предполагает союз и солидарность между властью духовной и властью светской, Церковью и государством; христианством и национальностью. Между тем этого союза и этой солидарности нет больше. Они разрушены восстанием Сына против Отца, ложным абсолютизмом национального государства, пожелавшего стать всем, оставаясь одним, и поглотившего авторитет Церкви, удушившего социальную свободу. Ложная царская власть породила ложных пророков, и антисоциальный абсолютизм государства естественно вызвал антисоциальный индивидуализм прогрессивной цивилизации. Великое социальное единство, нарушенное нациями и государствами, не может сохраниться надолго для индивидов. Раз человеческое общество не существует более для каждого человека как некоторое органическое целое, солидарной частью которого он себя чувствует, общественные связи становятся для индивида внешними и произвольными границами, против которых он возмущается и которые он в конце концов отбрасывает. И вот он достиг свободы, но той свободы, которую смерть дает органическим элементам разлагающегося тела. Этот мрачный образ, которым славянофилы так злоупотребляли в своей борьбе с Западом и которому радовалась их национальная гордость, должен был бы внушать нам совершенно обратные чувства. Не на Западе, а в Византии первородный грех националистического партикуляризма и абсолютистического цезарепапизма впервые внес смерть в социальное тело Христа. А ответственная преемница Византии есть русская империя. И теперь Россия есть единственная христианская страна, где национальное государство без оговорок утверждает свой исключительный абсолютизм, делая из церкви атрибут национальности и послушное орудие мирской власти, где это устранение божественного авторитета не уравновешивается даже (насколько это возможно) свободой человеческого духа.

Второй член социальной троицы, – государство или светская власть, – в силу своего посредствующего положения между двумя другими, является главнейшим орудием поддержания или разрушения целостности вселенского тела. Признавая начало единства и солидарности, представляемое Церковью, и сводя во имя этой солидарности к справедливой мере все то неравенство, которое проистекает из свободной деятельности частных сил, государство является могучим орудием истинной социальной организации. Напротив того, замыкаясь в отъеди-

ненным и эгоистическом абсолютизме, государство теряет свою истинную нерушимую основу и непогрешимую санкцию своей социальной деятельности и оставляет вселенское общество без защиты против «тайны нечестия».

В силу исторических условий, в которые она поставлена, Россия являет наиболее полное развитие, наиболее чистое и наиболее могущественное выражение абсолютного национального государства, отвергающего единство Церкви и исключаящего религиозную свободу. Если бы мы были языческим народом, мы конечно могли бы окончательно кристаллизироваться в сказанном состоянии. Но народ русский – народ в глубине души своей христианский, и непомерное развитие, которое получил в нем антихристианский принцип абсолютного государства, есть лишь обратная сторона принципа истинного, начала христианского государства, царской власти Христа. Это есть *второе* начало социальной троицы, и дабы проявить его в правде и истине, Россия должна прежде всего поставить это начало на то место, которое ему принадлежит, признать и утвердить его не как единственный принцип нашего *обособленного* национального существования, но как второй из трех главных деятелей вселенской социальной жизни, в неразрывной связи с которой мы должны пребывать. Христианская Россия, подражая самому Христу, должна подчинить власть государства (царственную власть Сына) авторитету Вселенской Церкви (священству Отца) и отвести подобающее место общественной свободе (действию Духа). Русская империя, отъединенная в своем абсолютизме, есть лишь угроза борьбы и бесконечных войн. Русская империя, пожелавшая служить Вселенской Церкви и делу общественной организации, взяв их под свой покров, внесет в семейство народов мир и благословение.

«Не добро быть человеку одному». То же можно сказать и о всякой нации. Девятьсот лет тому назад мы были крещены Святым Владимиром во имя животворящей Троицы, а не во имя бесплодного единства. Русская идея не может заключаться в отречении от нашего крещения. Русская идея, исторический долг России требует от нас признания нашей неразрывной связи с вселенским семейством Христа и обращения всех наших национальных дарований, всей мощи нашей империи на окончательное осуществление социальной троицы, где *каждое* из трех главных органических единств, церковь, государство и общество, безусловно свободно и державно, не в отъединении от двух других, поглощая или истребляя их, но в утверждении безусловной внутренней связи с ними. Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы – вот в чем русская идея. И в том, что эта идея не имеет в себе ничего исключительного и партикуляристического, что она представляет лишь новый аспект самой христианской идеи, что для осуществления этого национального призвания нам не нужно действовать *против* других наций, но *с* ними и *для* них – в этом лежит великое доказательство, что эта идея есть идея истинная. Ибо истина есть лишь форма Добра, а Добру неведома зависть.

Париж, 23 мая 1888 г.